

УДК 821.161.1

РЕЦЕПЦИЯ «ДЕЛА БЕЙЛИСА» В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Э. Ф. Шафранская

Московский городской педагогический университет
кафедра русской литературы

В статье представлена литературная рецепция легендарного «Дела Бейлиса». Впервые в едином контексте рассмотрена публицистика В. Короленко, романы Б. Маламуда «Мастер», Шолом-Алейхема «Кровавая шутка», фольклорно-антропологическое исследование А. Дандеса. Помимо типологических сходжений, отмечены различные рецептивные моменты в отражении этого громкого исторического процесса, связанные с временной дистанцией или ее отсутствием. Статья актуализирует не только вековой давности резонансный факт истории, но и малоизвестные литературные произведения, вводя их в научный дискурс.

Ключевые слова: кровавый навет, дело Бейлиса, Короленко, Маламуд, Шолом-Алейхем.

Со дня окончания легендарного «Дела Бейлиса» прошло немногим более ста лет. На вопрос, задаваемый студентам, известно ли им «Дело Бейлиса», ответ, как правило, отрицательный. А ведь вокруг этого события происходили громкие словесные бои, и нашей публикацией мы хотим актуализировать и сам исторический факт, и его отражение в словесности.

«Дело Бейлиса», продолжавшееся с 1911 по 1913 г., прозвучало и в России, и за рубежом. Литературные тексты о «Деле Бейлиса» – публицистические, художественные – получили в среде литераторов название «бейлисиады». Многие известные общественные деятели, писатели высказывались касательно дела Бейлиса, и в ряде случаев это осталось пятном на их репутации, – о чем заговорили вслух только в период «перестройки», начиная с середины 1980-х гг.

Остановимся не на тех, кто запятнал свое имя, а на человеке, чье имя в истории русской литературы может служить мерилом ее гуманистической направленности, – на В. Г. Короленко.

В каких только конфликтах простого человека и власти не пришлось участвовать Короленко, всегда стоявшему на стороне справедливости, не боявшемуся обвинять власть, – как в имперские времена, так в большевистской России! Можно сказать, что судьба уберегла Короленко, он ушел из жизни своей смертью, не дожив до пика кровавых и бессудных времен.

Так случилось, что Короленко стал невольным специалистом по «ритуальным жертвоприношениям» еще задолго до «Дела Бейлиса». Тянувшееся не один год «Мултанское дело» (1892–1896), когда семерых вотяков обвиняли в языческом обряде канибализма: якобы они для ритуального действия убили забредшего в их поселение нищего, обезглавили и вырезали у него сердце, – благодаря вмешательству Короленко закончилось оправданием невинных.

«Мултанское дело» и «Дело Бейлиса» имеют типологическое сходство – оба возбуждены с опорой на слухи, навет, на фольклорные нарративы.

Развеять слухи, привести доводы, призвать обвинение к логике – вот весьма непростые задачи, которые взялся решить Короленко, участвуя в этих громких судебных делах. Ему это удалось, хотя общество, причем не только малограмотное население, но и в образованные круги, было явно против позиции Короленко.

Что же это за слухи, именуемые в среде «адресата» *кровавым наветом*, который исходит от «адресанта»-антисемита? Энциклопедия «Еврейский мир» излагает их так: «Кровавый навет, или обвинение евреев в том, что они при отправлении своих ритуалов убивают неевреев и пьют их кровь, зародился в XII в. в Англии. В последующие семь столетий это унесло жизни десятков тысяч евреев. Ирония судьбы в том, что навет направлен против народа, который первым в истории поставил человеческие жертвоприношения вне закона» [7, с. 397].

Мотив «кровавого навета» – один из главных в истории антисемитизма, без него «невозможен этнокультурный “портрет” еврея» [1, с. 112]. Он возник как буфер в ответ на обвинение евреев в жертвоприношении христианских младенцев в ритуальных целях.

Американский фольклорист Алан Дандес дал психоаналитическое обоснование истоков этого противоречивого для двух культур (христианской и иудейской) мотива. Имея в виду древнейшее христианское таинство евхаристии, Дандес пишет, что в первые века после Рождества Христова языческие жрецы тоже обвиняли христиан в причащении кровью и телом умерщвляемого языческого младенца. Дандес в дискурсе о кровавом навете увидел «проективную инверсию», психологический феномен-травестию, христианскую вину, переданную иудеям, за то и гонимым. «Это позволяет нам понять волну преследований христиан в Южной Франции в 177 г. н. э., когда толпы обвиняли христиан в каннибализме. Рассказы о евхаристии приводили к слухам, что христиане поедают человеческую плоть и кровь. <...> После того как христианская религия стала господствующей, христиане обратили против других клевету, некогда адресованную им самим» [3, с. 226–227].

Историк литературы М. Вайскопф, говоря об антиеврейской тенденции в русской литературе, существовавшей вплоть до последних десятилетий XIX в., замечает изменение вектора в сторону филосемитизма к концу века, «когда к этому течению присоединились такие авторы, как Короленко, Леонид Андреев и Горький» [2, с. 369].

30 ноября 1911 г. в петербургской газете «Речь» было опубликовано обращение «К русскому обществу»: «По поводу кровавого навета на евреев». Обращение подписали писатели А. Блок, М. Горький, Я. Купала, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, Л. Андреев, В. Иванов, а также ученые и общественные деятели: В.И. Вернадский, М.М. Ковалевский, М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, В.Д. Набоков и др. Инициатива в создании обращения принадлежала Короленко, уже тогда известному борцу с антисемитизмом. Обращение взывало к «справедливости», «разуму», «человеколюбию», дабы предотвратить вспышку ксенофобии и антисемитизма.

Короленко принадлежит цикл статей, печатавшихся во время процесса над Бейлисом, с 19 по 31 октября 1913 г. Цикл вошел в собрание сочинений Короленко под заглавием «Дело Бейлиса»: «На Лукьяновке. *Во время дела Бейлиса*» (семь глав), «Господа присяжные заседатели», «Господа присяжные заседатели. *Статья вторая*», «Присяжные ответили», «После приговора». Это был почти репортаж – с места события.

Композиция – от статьи к статье – выстраивается по классическому канону. Место действия – криминальная Лукьяновка, район Киева, все «щели, прорехи и

лазы», подворотни и хибарки которого обследует Короленко. Он знакомится с жителями Лукьяновки, среди них много воров и пьяниц, людей опустившихся, «неустойчиво держащихся на ногах». Особой атмосферой среди жителей Лукьяновки окутан двухэтажный дом – «монополия», воровской притон, хозяева которого задают тон на судебных заседаниях, с оглядкой на них дают показания свидетели (точнее, лже-свидетели). К Лукьяновке примыкает кирпичный завод, Там было место – «мяло», где месили глину для кирпичей, – где собирались окрестные дети, сбегая с уроков, и после школы; отсюда исчез Андрюша Ющинский – убитый впоследствии мальчик. Короленко беседует с детьми, ровесниками и друзьями Ющинского. Все они знали Бейлиса – Короленко убеждается, что дети были расположены к безобидному рабочему Бейлису.

Устройство для вымешивания глины в нерабочее время служило детям каруселью. Короленко расспрашивает детей: «Зачем же вас гоняли оттуда? Кому это вредно? <...> – Гонял Бейлис? – Ничего подобного. Когда же ему было самому гонять? На это есть сторожа» [4, с. 368].

Этот вопрос, – пишет Короленко, – кто гонял? гонял ли Бейлис? – стал основным на суде. Дети и большинство свидетелей утверждали, что Бейлис никого не гонял, однако те, кто «неустойчиво держался на ногах», с оглядкой на «двухэтажный дом», заявляли противоположное – на том и было построено обвинение Бейлиса (еще до того, как возникнет тема «ритуального жертвоприношения»).

Короленко удалось выявить важный момент, случившийся в Лукьяновке еще до преступления. Расспрашивая детей об играх, о характере Ющинского, он записал эпизод «с прутиками»: дети вырезали прутики, у Ющинского оказался лучше, «Женя заявил на него претензию. Андрюша не отдал, Женя пригрозил.

– Я скажу твоей матери, что ты не учишься, а ходишь сюда.

И у Андрюши сорвались роковые слова:

– А я скажу, что у вас в квартире притон воров» [Там же, с. 375]. Злопамятный Женя передал эту угрозу матери.

Вскоре Андрюшу со множеством колотых ран нашли в близлежащей пещере. «Кто же, кто сделал это ужасное дело?» [Там же, с. 376] – пишет Короленко в финале первой статьи. Ответа нет, однако ответ очевиден: Короленко подвел читателя к нему. По поводу акцентов самого процесса, далеких от реальности, но намеренно расставленных тогдашним официозом, Короленко пишет заключительную фразу: «А в душе стояло ощущение XVI столетия» [Там же, с. 377].

Вернемся к композиции короленковского цикла статей о Бейлисе – содержание «На Лукьяновке» выполнило функцию экспозиции и завязки. Как будет развиваться действие, или чем завершится процесс над Бейлисом?

В двух статьях под названием «Господа присяжные заседатели» Короленко «сканирует» тех, от кого будет зависеть вердикт. Небывалый случай, – пишет Короленко, – для университетского города Российской империи, чтобы в число двенадцати присяжных не попали люди интеллигентные, образованные, как это бывало обычно. Этот состав присяжных был самый «серый»: люди предубежденные, неграмотные или малограмотные. «Особенно один сладко дремлет по получасу, сложив руки на животе и склонив голову... Состав по сословиям – семь крестьян, три мещанина, два мелких чиновника. Два интеллигентных человека попали в запасные. Старшина – писец контрольной палаты» [Там же, с. 379]. Особо досталось от Короленко этому «старшине» за подбострастие к стороне обвинения.

Анализируя причины этого казуса, Короленко приходит к выводу о подтасовке. Параллельно в суде рассматривались другие дела – там с заседателями все

было в порядке: профессура, интеллигентные лица. «Слово (по делу Бейлиса. – Э.Ш.) этих скромных, серых деревенских людей телеграф разнесет по всему миру» [Там же, с. 382], то есть вердикт людей из киевских пригородов и деревень, где сильны позиции черносотенного «Союза русского народа», разъедающего крестьян «агитацией и националистической демагогией». Предшествует этому моменту речь прокурора, представлявшаяся «страстным демагогическим воззванием к чувствам племенной ненависти и вражды» [Там же]. Весь судебный процесс Короленко называет испытанием для русского правосудия.

То, о чем и как писал Короленко в «Русских ведомостях» (а его статьи о деле Бейлиса перепечатывали тут же и другие издания), не могло не влиять на ход события. Градус напряжения в Киеве, во всей России был высок. Телеграфные агентства всего мира с не меньшим напряжением следили за этим процессом.

Наконец – вердикт («Присяжные ответили»). Короленко описывает город, замерший в ожидании: прекращено всякое движение, пропускают только трамваи, город наводнен конной и пешей полицией, у Софийского собора угрожающе чернеет пятно народа, собравшегося на панихиду по убиенному Андриюше. Короленко, конечно же, намекает на погром, дыхание которого уже ощущается в воздухе Киева, погромщики ждут только команды. «Около шести часов стремительно выбегают репортеры. Разносятся молнией известие, что Бейлис оправдан. Внезапно физиономия улиц меняется. <...> Погромное пятно у собора теряет свое мрачное значение» [Там же, с. 383].

Развязка цикла – статья «После приговора»: «Лукияновка сплошь дружественна оправданному...» [Там же]. К радости Короленко примешивается досада и недоумение: почему нет попыток найти настоящего убийцу, который, для всех очевидно, принадлежит к воровской шайке. Процесс был раздут не из-за смерти мальчика, власти был нужен прецедент, повод. Но не случилось. Это была победа разума, оставившая след не только в истории, но и в литературе. И, может быть, именно потому этот прецедент *русской* истории отозвался в *мировой* литературе.

Бейлисиада включает немало очерков, исследований, больше десятка киноверсий и театральных постановок, однако литературных произведений немного. И самое примечательное – нет их в русской литературе (правда, появился анонс: Дмитрий Быков заканчивает роман «Истина», посвященный делу Бейлиса).

Наиболее яркое художественное обращение к делу Бейлиса – роман «Мастер» (удостоен Пулитцеровской премии) американского писателя Бернарда Маламуда (1914–1986). Опубликован в 1966 г., однако связь писателя с делом Бейлиса ощутима на пренатальном уровне (как пишут публикаторы единственного русского издания романа [5]). «Мастер» основан на документах, на личных воспоминаниях Бейлиса. Реальные имена в нем заменены на вымышленные: Мендель Бейлис – Яков Бок, Андриюша Ющинский – Женя Голов.

«Мастер» может быть вписан в типологический ряд каторжно-тюремной литературы: основное действие происходит в тюремной камере. Мысли Якова Бока о его прошлом и настоящем, о евреях и еврействе, о религии – иудейской и христианской – читатель узнает на фоне мучений, которым подвергают безвинно заключенного, ставшего козлом отпущения в политических играх России начала XX века. Более двух лет провел Яков в камере, дожидаясь обвинения, которое путем ложных, казуистических приемов никак не могло выстроить тогдашнее правосудие, – предвещающая кафкианский «Процесс».

На глазах читателя Яков вызревает как личность – с убеждениями, позицией. А началось все с раннего утра, когда Яков встретил во дворе покрытую черной

шалью бабу, она сказала ему, что недалеко нашли мертвое тело ребенка. Назавтра «Киевлянин» сообщил, что рядом с кирпичным заводом найден убитый русский мальчик Женя Голов. Тут же появились прокламации «Черной сотни», обвинявшие в убийстве евреев. Яков забеспокоился: кирпичный завод, где он работал, был в Лукьяновском околотке, а евреям там жить запрещалось. Яков был арестован. Поначалу, всеми забытый и покинутый, никому не нужный, он задумался о самоубийстве. Но первый следователь по его делу – Бибиков – дает ему силы не сдаваться. Бибиков видел всю ложность обвинения Якова и старался ему помочь.

К выводу о *проективной инверсии* в контексте кровавого навета приходят почти одновременно писатель и ученый (см. выше) – Бернард Маламуд (устаами Бибикова) и Алан Дандес: «...я обнаружил: те самые обвинения, какие выдвигаются против евреев, были в ходу у язычников первого века...» [Там же, с. 172].

Бибиков – неконформист: «Такая сложная, многострадальная, темная и беспомощная страна эта наша Россия. В каком-то смысле все мы здесь арестанты» [Там же, с. 175], и власть его уничтожила, буквально – физически.

Два года на Якова Бока давили – и психологически, и физически, чтобы он сознался в ритуальном жертвоприношении. Одним из убийственных аргументов прокурора был тот, что его, Якова Бока, делом интересуется император Николай II и стоит на стороне обвинения: «...можете мне поверить: русский народ в праведном гневном своем отомстит за несчастного Женю, за его муки, за боль, какую вы ему причинили. <...> ...Тогда не удивляйтесь, что покатыся по улицам бородатые головы. И полетят перья. И вонзится казачья сталь в нежненькие тела молодых евреечек» [Там же, с. 296]. На крик Якова «Я невиновен!» прокурор отвечает: «Не бывает еврей невиновен...» [Там же, с. 224].

Яков Бок мечется в поисках выхода: умереть или продолжать борьбу, в его смерти в камере заинтересовано следствие: ему подсыпают в еду яд. «Умри, – говорил ему надзиратель. – Умри ты, ради Христа» [Там же, с. 272]. Ему кажется, что он уже умер, но приходит адвокат, пытается дать ему шанс, рассказывает, что он не один, что есть люди в России с совестью и честью, которым не безразлична судьба Якова Бока. Среди таковых, как нам известно, был и Короленко.

Интенция романа Маламуда совпадает с короленковской – в описании присяжных: «...хотя это будут невежественные крестьяне и лавочники – простые люди, – зато они, как правило, не любят официальных лиц и, когда дойдет до дела, учуют подвох» [Там же, с. 307], однако, в отличие от Короленко, который, сетуя на состав присяжных, не исключал ни справедливого, ни печального исхода, Маламуд, писавший свой роман в середине XX века, знал, чем все кончится, и потому его прогнозы оптимистичней.

Совпадают публицистический текст Короленко и художественный – Маламуда и в описании Киева, напряженно ждущего судебного решения – практически в преддверии погрома: «Мастер, дивясь, увидел по обеим сторонам улицы толпы народа» [Там же, с. 323].

Если все действие романа было исполнено автором в реалистическом стиле, основанном на реальных событиях и документах, то финал решен в модернистском. Маламуд заканчивает роман изображением подсудимого по дороге в суд, в частности – его психологического состояния. Яков Бок из маленького, беззащитного человека созревает до способного постоять за себя и наказать обидчика – пусть и в воображении. Якову грезится царь – виновник не только его беды, но и всех его соплеменников. Яков помнит, что ему говорил адвокат в камере: «Погромы были

задуманы в министерстве внутренних дел. <...> Ходят слухи, будто царь лично жертвовал средства из государственной казны на юдофобские листовки» [Там же, с. 304–305]. В грезах Яков обращается к царю: «Вот вы говорите, вы добрый, а доказываете это погромами. – А за них ты меня не вини, – сказал царь, – вода течет, ее не остановить. Погромы – суть истинное выражение воли народа» [Там же, с. 329]. Тогда Яков приставил пистолет к царской груди и нажал на спуск, говоря: это за Бибилова, за Кожина (надзиратель, благоволивший Якову, расстрелянный на его глазах в камере), это за тюрьму, за яд, за ежедневный шестиразовый обыск (приносивший Якову физические страдания). Царь расстрелян. Роман окончен. Так символично выстроил Маламуд ретроспекцию исторических событий. Так были окончены физические и психологические страдания Якова Бока – Бейлиса. Бернард Маламуд написал роман «Мастер» по-английски, зная русскую жизнь по словам родителей, эмигрировавших в США из Каменец-Подольского Хмельницкой области.

Еще один автор, откликнувшийся на дело Бейлиса, – писатель Шолом-Алейхем (1859–1916). Однако российскую действительность он знал не по книгам. Шолом-Алейхем покинул Россию в 1905 г., будучи писателем. Языком его творчества поначалу был русский, потом идиш. До конца жизни он оставался подданным Российской империи. В отличие от маламудовского романа, воспроизводящего почти по дням заключение героя, роман Шолом-Алейхема «Кровавая шутка», написанный на идише, лишь спровоцирован делом Бейлиса. В основе сюжета – авантюрная история: два молодых человека, еврей и русский, заключают пари: они поменялись на один год паспортами и аттестатами выпускников гимназии; русский юноша не верит своему другу, что евреи подвергаются гонениям, и хочет убедиться в этом сам. В итоге он так же, как и Бейлис, подпадает под обвинение в ритуальном убийстве. Роман писался во время самого процесса над Бейлисом, был закончен до вынесения Бейлису оправдательного вердикта.

«Былой» русский, «ныне» еврей, персонаж Шолом-Алейхема претерпевает все мытарства еврейской судьбы – гонения, унижение, высылку в черту оседлости, кровавый навет. Он даже хочет проверить, как евреи выпекают мацу – действительно ли с использованием крови христианских младенцев? «А где же ритуальная церемония? <...> Какой позор! Он, культурный человек двадцатого века, мог поверить в этот дикий бред!..» [9, с. 146–151].

Не сюжетом, не мотивом, а иронической деталью «кровавый навет» отзывается и в современной литературе: в рассказе Д. Рубиной: «Итак, мы продолжаем!..» упомянут персонаж – художник, «гой» (нееврей), подрабатывающий на «заводике» по производству мацы: «Недавно руку поранил, как раз правую – кровища, говорит, хлестала... <...> Пусть теперь, говорит, доказывают, что не добавляют в мацу кровь христианских младенцев...» [6, с. 250].

Несмотря на многочисленные папские буллы, фирманы исламских султанов, отвергающие «кровавый навет», он продолжает жить, питая ксенофобию и «юденхасс» – «фольклор не так-то просто подавить законодательными мерами» [3, с. 210]. Читаем в романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик»: «...Шесть миллионов евреев, погибших в войне, это космическая катастрофа, какое-то злодеяние планет, а вот те сорок два еврея, которые погибли в Кельце уже после войны, в июле 46-го года, на совести поляков. <...> Говорят, что погром организовал комитет госбезопасности, польский или советский. <...> Все как в Средневековье – опять пущен был слух о похищении христианского младенца. Кровь, маца, еврейская пас-

ха...» [8, с. 132–133]. А «Наш современник» к датам, посвященным делу Бейлиса, печатает отповеди тем, кто оправдал невинного. Осталось дожидаться романа Дмитрия Быкова о деле Бейлиса.

Список литературы

1. Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М.: Индрик, 2005. 288 с.
2. Вайскопф М. Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма. М.: Мосты культуры, 2008. 383 с.
3. Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. М.: Вост. лит., 2003. 279 с.
4. Короленко В. Г. Дело Бейлиса // В. Г. Короленко. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М.: Книжный клуб Книгобек, 2012. С. 365–384.
5. Маламуд Б. Мастер. М.: Лехаим, 2002. 336 с.
6. Рубина Д. И. Итак, мы продолжаем!.. // Ориентация на местности. Русско-израильская литература 90-х гг. Иерусалим, 2001. С. 250–257.
7. Телушкин Й. Еврейский мир: Важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии. М.: Мосты культуры, 2002. С. 397–399.
8. Улицкая Л. Е. Даниэль Штайн, переводчик. М.: Эксмо, 2006. 528 с.
9. Шолом-Алейхем. Кровавая шутка. М.: Лехаим, 2002. 560 с.

THE RECEPTION OF “BEILISS TRIAL” IN JOURNALISM AND FICTION

E. F. Shafranskaya

The Moscow City Teachers Training University
the Department of Russian Literature

The article deals with the literary perception of the legendary “Beilis trial”. For the first time Vladimir Korolenko’s journalism, novels “The Fixer” by Bernard Malamud and “The Bloody Hoax” by Sholom Aleichem, as well as Alan Dandes’ folklore-anthropological studies are analyzed in a single context. In addition to typological similarities, various receptive moments in reflection of this notorious trial are marked, connected with the time distance or with its absence. The article brings to the fore not only a century-old fact of history, but also little-known literary works, introducing them into the academic discourse.

Keywords: *blood libel, “Beiliss trial”, Korolenko, Malamud, Sholom-Aleikhem.*

Об авторе:

ШАФРАНСКАЯ Элеонора Федоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета (129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, к. 1), e-mail: shafranskayaef@mail.ru.

About the author:

SHAFRANSKAYA Eleonora Fedorovna – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Literature, Moscow City Teachers Training University (129226, Moscow, the 2nd Selskokhozyaystvenny pas., 4, bld. 1), e-mail: shafranskayaef@mail.ru.